

Some issues of the reform of writing in Kazakhstan in 1920-1936

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna, Institute of Russian History RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher. Russian Federation, 117036, Moscow, Dm.Ulyanova, 19. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Abstract. The issue of language was determined not only by the choice of optimal communication tool and modernization of multi-ethnic population, but had a deep symbolic and political significance. Language was an important tool for shaping peoples ethnoidentity of the USSR, served in the republics as marker for the admission to the privileges of the titular ethnic group and consolidate its administrative-territorial status. In the organization and provision of the all government system of governance in the KASSR in 1920-1936 years special role played in the dynamics of discursive practices in bilingual space. The functioning of Russian and Kazakh languages has an ambivalent impact on the formation and activities of the management class in the indigenization and the transformation of Kazakh alphabet from Arabic script to Latin and Cyrillic.

Keywords: Soviet language policy; ethnicity; bureaucracy; Kazakh ASSR.

1920-1936 жж. Қазақстанда жазуды реформалаудың кейбір мәселелері

Аманжолова Дина Ахметжановна, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РҒА Ресей тарихы институтының жетекші ғылыми қызметкері. Ресей Федерациясы 117036, Мәскеу қ., Дмитрий Ульянов к-сі, 19 үй. E-mail: amanzholova19@mail.ru.

Түйін. Тіл туралы мәселе қарым-қатынас құралдарының және көпэтносты халықты жаңғыртудың тиімді жолдарын таңдаумен ғана анықталған жоқ, сонымен қатар терең символдық және саяси мағынасы болды. Тіл ҚСРО халқының этнобірегейлігін қалыптастырудың маңызды құралы болды, республикаларда этностың артықшылық белгілерін көрсетудің белгісі және оның әкімшілік-аумақтық мәртебесін бекіту қызметін атқарды. 1920-1936 жж. ҚАКСР жалпы мемлекеттік басқарма жүйесін ұйымдастыру мен қамтамасыз етуде екітілді кеңістіктегі дикурстық тәжірибенің деңгейі ерекше рөл атқарды.

Қазақ жазуының араб графикасынан латын тілі мен кириллицаға ауысуы және толық түрде енуі барысында орыс және қазақ тілдерінің қолдануы басқару табының қалыптасуы мен қызметіне екі жақты әсер етті.

Түйін сөздер: кеңестік тілдік саясат; этникалық; бюрократия; Қазақ АКСР.

Некоторые вопросы реформирования письменности в Казахстане в 1920-1936 гг.

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Российская Федерация 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: amanzholova19@mail.ru.

Аннотация. Вопрос о языке определялся не только выбором оптимального средства коммуникации и модернизации полиэтнического населения, но имел глубокое символическое и политическое значение. Язык был важнейшим инструментом формирования этноидентичности народов СССР, служил в республиках маркером для допуска к привилегиям титульного этноса и закрепления его административно-территориального статуса. В организации и обеспечении общегосударственной системы управления в КАССР в 1920-1936 гг. особую роль играла динамика дискурсивных практик в двуязычном пространстве. Функционирование русского и казахского языков оказывало амбивалентное воздействие на формирование и деятельность управленческого класса в ходе коренизации и трансформации казахской письменности от арабской графики к латинице и кириллице.

Ключевые слова: советская языковая политика; этничность; бюрократия; Казахская АССР.

УДК/ЭОЖ 94(574):811.512

Некоторые вопросы реформирования письменности в Казахстане в 1920-1936 гг.

Аманжолова Д.А.

Языковая политика большевиков являлась частью комплекса мер по утверждению социальной справедливости и самоопределения народов, тем более что уровень грамотности большинства населения бывшей Российской империи был неудовлетворительным, более 60 народов не имели письменности, часть из них, в т.ч. казахи, использовали арабский шрифт. Число грамотных казахов на основе арабской графики в начале XX века точно не установлено. Высшее и незаконченное высшее образование имели около 100 казахов, около 700 окончили гимназии, прогимназии, училища и учительские семинарии (Ismagambetov 1997). Они наверняка владели русским языком. По данным переписи 1926 г. грамотность казахов составляла 6,9% (Asylbek, Asylbekova Nd). Ликвидация безграмотности совпала с трансформацией казахской письменности. В 1920-1929 гг. осуществлялось введение казахского языка в делопроизводство с использованием арабской графики, в 1927-1940 гг. был проведен переход на латинский алфавит, с 1940 г. - введение кириллицы. Для большинства населения переход на латиницу был одновременно и обучением грамоте, к тому же латиница была политически нейтральной. Практически на каждом этапе в языковой политике совмещались ликвидация безграмотности, расширение сферы коммуникации национальных языков и обеспечение равенства народов. Секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе в 1927 г. подчеркивал: «...можно ли Казахстан поднять до уровня русской национальности без национального языка Казахстана. Нельзя, это было бы шовинизмом» (Amanzholova 2010, P.86; Nurmakov 1934, P.5).

А.С. Енукидзе
(1877-1937)

Вопрос о языке определялся не только выбором оптимального средства коммуникации и модернизации полиэтнического населения, но имел глубокое символическое и политическое значение. Язык был важнейшим инструментом формирования этноидентичности народов СССР, служил в республиках маркером для допуска к привилегиям титульного этноса и закрепления его административно-территориального статуса. Социально-культурная гомогенизация общества соединяла меры по развитию языков и культур, декларативно наполненных «интернациональным социалистическим» содержанием, с укреплением идеологических и иных скреп, вытеснявших традиционные духовные ценности.

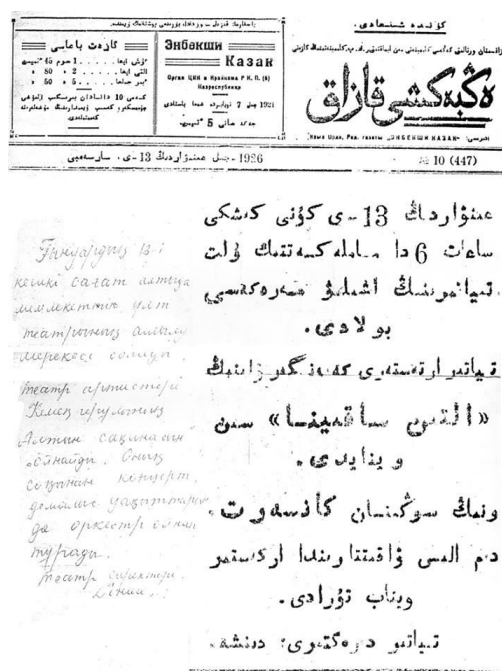
Для управленцев тип письменности имел принципиальное значение, т.к. делопроизводство и письменные коммуникации составляют важнейшую часть их работы. Казахская советская бюрократия формировалась и развивалась в условиях комплексных социально-экономических и культурных преобразований, составной частью которых стало создание новой национальной письменности. Это было связано и с политикой коренизации. В 1924 г. было принято решение о переводе делопроизводства в автономиях на

местные языки, но реализация затягивалась и была продлена до конца 1928 г. Поступавшая в местные органы документация на национальных языках часто оставалась без перевода. При этом местные учреждения были обязаны снабжать переводами лишь документы, направленные в центральные органы РСФСР. Президиум ВЦИК в 1927 г. рекомендовал установить сроки на местах для изучения национальных языков, предоставить работникам возможности для этого¹.

В 1927 г. в КАССР объявлен официальный переход на латиницу. По решению КазЦИК при местных исполкомах создаются комитеты нового алфавита (КНА). В 1928 г. в КАССР было около 80 обществ сторонников нового алфавита (5000 членов). В декабре 1928 г. в Кызыл-Орде прошла первая всеказахская конференция сторонников нового алфавита. 7 марта 1929 г. постановлением ЦИК СССР и СНК СССР арабская графика выводилась из употребления. Но на деле она сохранялась.

25 июля 1929 г. ЦИК и правительство республики утвердили новый казахский алфавит на основе латиницы. К этому времени грамотных на основе арабского письма в республике было около 8-10%, издавалось 10 газет и 2 журнала, около 100 книг общим тиражом до 3 тыс. экз. каждое. Однако узость базы арабского алфавита, как и всех других, была обусловлена прежде всего отсталой материально-технической базой региона и общей массовой неграмотностью. Кроме того, именно с принятием официального решения о новом алфавите связан ощутимый рост финансирования как из бюджета ВЦК НА, так и из бюджета КАССР. На 1929 год приходится наибольшее число изданий, выпускавшихся одновременно на арабской и латинской основе – 15. В 1932 г. таких осталось 2, на арабской основе не издавалось уже ничего, на латинице – 60 (Togzhanov 1934, P.64-65, 67, 66).

Рисунок 1. Газета «Енбекши қазақ» («Трудовой казах»). Орган ЦИК и Крайкома РКП(б). Арабская графика. 1926.

1 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 161. Л. 167, 172, 98, 41-43, 47, 37.

С.Д. Асфендиаров
(1889-1938)

Неграмотность большинства населения облегчала языковые преобразования, хотя до реформы использовался арабский шрифт. Ликвидацию неграмотности большевики прямо связывали с введением нового алфавита. Конфликт между властью и этнической общностью в ходе реформы не возник. Восприятия досоветской письменности как более «духовной» или «национальной» не было, т.к. абсолютное большинство получило грамотность и культуру именно благодаря усилиям власти. И навыки говорения и общения на русском языке возникли раньше, чем владение письменной коммуникацией. На совещании по делам меньшинств в ноябре 1927 г. глава Отдела национальностей ВЦИК, казах С.А. Асфендиаров заявил: «Любой казах скажет, что я лучше буду учиться русскому, чем своему языку, киргиз отдаст с удовольствием своего ребенка учиться русскому языку» (Amanzholova 2010, P.87). При этом казахский язык оставался неотъемлемой частью повседневной жизни. Он был также способом установления языкового и смыслового барьера или общего поля коммуникаций, когда обывателю и чиновнику-националу требовались доверительные отношения. Одновременно ограничивалась информационная доступность в конфликтных ситуациях с «европейцами».

Замена одной культуры письма другой была сложнее и прямо влияла на положение управленцев и качество их работы. Для определенного носителя или группы лиц та или иная особенность орфографии, письменности, шрифта, алфавита может быть связана с тем или иным образом, фактом или принадлежностью к чему-либо или кому-либо. Например, стилизация шрифта под арабский может символизировать ислам или исламскую культуру и традиции. Представители старой интеллигенции владели арабской графикой и, как правило, русским языком. Выдвиженцы имели другие стартовые условия и иную мотивацию к овладению как русским языком и его использованию, так и в отношении родного языка на новой алфавитной основе. Для старой интеллигенции арабская графика ассоциировалась с прошлым и с исламом. Кириллица могла восприниматься этой частью общества как элемент русификации.

Н.Тюрякулов
(1892-1937)

В составе этнобюрократии появились т.н. арабисты и латинисты во главе с Н.Тюрякуловым (председатель правления Центрального издательства народов Востока (Центриздат), член Президиума Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, заместитель ректора Института народов Востока). Арабисты владели ведущими должностями в Наркомате просвещения во главе с Байтурсыновым, в издательствах и печати. Как известно, выдающийся казахский литератор, один из лидеров движения Алаш А. Байтурсынов еще в 1912 году создал и усовершенствовал арабскую графику и орфографию казахского языка (сингармоничный алфавит и орфографию). В результате изучения и отбора звуков казахского языка и арабской графики в 1924 году была создана оригинальная «байтурсыновская орфография». Его поддерживали

Х.Досмухамедов, М.Дулатов и др. Сторонники латиницы зачастую выступали за мягкий переход на новую письменность, предлагали использовать идеи Байтурсынова в орфографии и возражали против тотальной унификации алфавита (Togzhanov 1934, P.70). 12-17 июня 1924 г. в Оренбурге проходил съезд казахских работников просвещения. Доклад об орфографии сделал Ельдес Омаров, содокладчиком выступил Мухтар Мурзин. За вариант Назира Тюрякулова выступили 9, за позицию Ахмета Байтурсынова – 8 (Mukanova Nd).

Тюрякулов так отстаивал латиницу: «Мы не выносим вопрос без тщательного изучения, мы не собираемся насильно вводить латиницу, не увлекаемся модой. ...Нельзя задерживать культурный прогресс на том основании, что народ к нему не привык. Появлению паровоза и парохода народ тоже когда-то сопротивлялся, но сейчас никто не передвигается между Ташкентом и Оренбургом на верблюде. Надо переходить на латинский шрифт. Он для нас удобней и дешевле, с точки зрения типографского дела». Дулатов подчеркивал, что при латинизации вместо ликвидации неграмотности «мы получим еще больше безграмотных людей», к тому же нет достаточных средств. Он предлагал сохранить и совершенствовать тюркское письмо. Х. Досмухамедов отмечал, что еще не в полной мере изучены внутренние резервы казахского языка и предлагал вводить новые термины постепенно, на основе общественного обсуждения. Байтурсынов настойчиво отстаивал свою позицию: «Весь лейтмотив Назира – только лишь типографические преимущества латинского шрифта. Мы увлекаемся лишь видимой стороной. Люди переимчивы и подражательны; изобрести свое, новое им гораздо труднее, чем перенять готовое у других. ... Казахская молодежь должна проявить находчивость в творческом поиске, изобретательность ума. Тогда можно из тюркского письма создать множество вариантов. ... Латинский шрифт не легкий. ... не надо увлекаться латиницей: латынь стара, мертва, это заблуждение - возродить ее». На I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. Байтурсынов вновь отстаивал свою позицию. Он также сделал важный доклад о научной терминологии. Он призывал обеспечить единство литературного и народного языков, что могло помочь и в ходе латинизации (Ozganbaj 2003, P.146-154; Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazahstane 1965, P.54).

Орфография любого языка как сложная символическая структура, имеет смысловую и образную власть и в то же время отражает политический курс. Выбор той или иной орфографии имеет скрытые и явные социальные смыслы. Их отражают и пользователи, и создатели. Социальный конструкт «стандартный язык» имеет определенную идеологическую нагрузку. Ее в первую очередь сознают пользователи стандартного языка, которые поддерживают его высокий статус. В то же время использование нестандартного письма служит определенным маркером. Например, - политической оппозиционности, религиозной принадлежности, классовой стратификации, т.к. его не поддерживает большинство. На практике в массовом образовании переход на новую письменность происходил в зависимости от кадрового потенциала и материально-технической базы на ходу создававшейся школьной системы. Писатель М.Габдулин вспоминал в 1943 г.: «Мой отец Елемесов Габдула был по-нашему образованный человек. Это значит, что он умел читать и писать, в то время как другие казахи этим не владели. Вот его преимущество. Он учил детей, правда, по-старому учил, по арабскому алфавиту. Раньше он был учителем, сейчас – колхозник рядовой.

... После установления советской власти, в 1924 году, во всех аулах открылись аульные начальные школы. ... Я начал учиться на родном языке.

Школа находилась в соседнем ауле, который от нашего аула находился в полутора-двух километрах. Преподавали казахский язык и арифметику. Учебников тогда еще не было. Этот Нугманов сам учился на курсах для учителей и пришел с теми знаниями, которые получил там. В середине учебного года начали поступать учебники на арабском шрифте. Сейчас у нас уже русский шрифт» (Zapis' besedy s Gabdullinym 2017, P.103).

А.Б. Байтурсынов
(1873-1937)

Байтурсынов меж тем совершенствовал свой проект 1924 года и предлагал, в частности, писать цифры справа налево, чтобы привычные навыки арабского письма снимали психологический дискомфорт пишущего. Он продолжал доказывать преимущества и возможности усовершенствованной арабской графики в типографском деле, пишущей машинке и обучающей практике по сравнению с русской и другими европейскими графиками (Bajtursynuly 2006(1); Bajtursynuly 2006(2)). Использование старой письменности и поддержка А.Байтурсынова означали стремление подчеркнуть выделенность культуры, были средством репрезентации и символом сохранения идентичности. Часть старой интеллигенции считала новый алфавит покушением на идентичность, придавала ему особую

ценность в самосознании этноса. Его отстранение не могло обеспечить реформу орфографии и совершенствование стилистики казахского языка, прежде всего из-за отсутствия кадров.

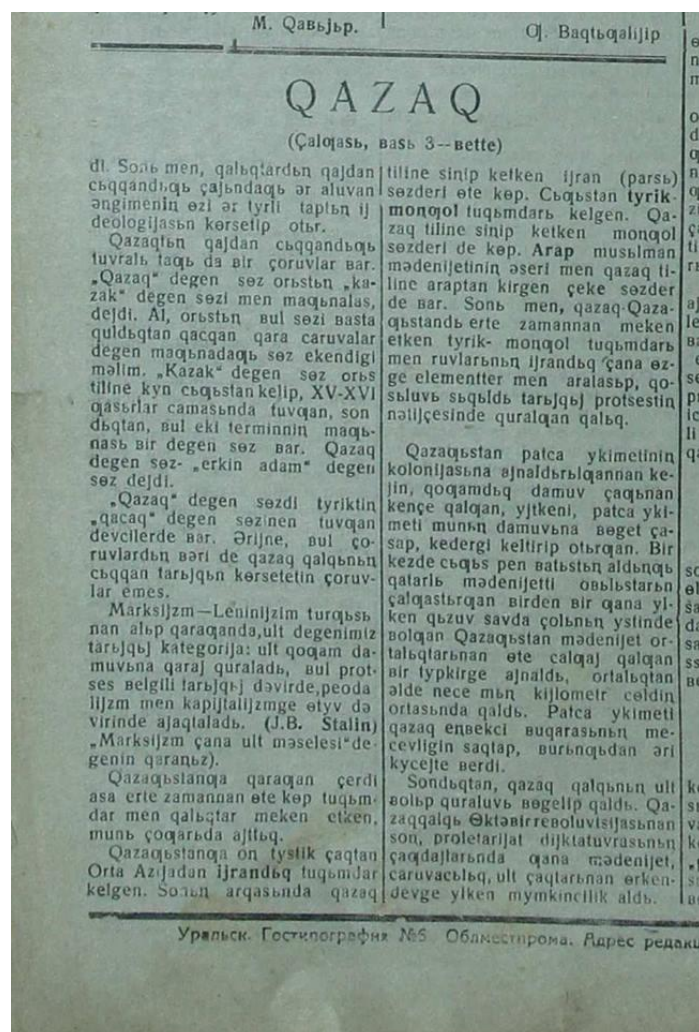
В докладе о достоинствах алфавита на основе арабской графики, опубликованном в книге «Әліппе айтысы» (Дискуссия об алфавите») в 1927 году, Байтурсынов продолжал доказывать жизнеспособность арабской графики. Он писал, что приемлемость или неприемлемость арабской или латинской графики для построения алфавита, разработки принципов орфографии, для издательского дела меньше всего зависят от самой графики. Они зависят от уровня подготовленности специалистов. Он отмечал, что в том виде, в каком функционирует латинская графика, ее нельзя применять к тюркским языкам, она должна подвергнуться реформированию как минимум на 25-30%. Байтурсынов допускал постепенную смену арабской графики, при параллельном существовании двух график до полного перехода на латинскую. Условием такого перехода он считал приемлемость шрифта для имеющейся методики обучения чтению и письму, а также более легкое зрительное восприятие. Он ссылаясь на немецких специалистов и утверждал, что арабское письмо воспринимается быстрее и легче, чем латинское, потому что чтение осуществляется не только по слогам, но и по характеру начертания слова в целом, т.е. по характеру графического рисунка (Polemika o vybore alfavita 1927).

Новый тюркский алфавит был утвержден в 1927 г. За латинизацию выступали Т. Жургенев, С. Асфендияров, О. Жандосов, И. Кабулов, Т. Шонанов. По существу, разработка орфографии, терминологии, развитие литературного языка продолжались вплоть до отказа от латиницы и перехода к кириллице. Как признавал Г. Тогжанов, «классовые враги нового алфавита передвинулись из школы и органов печати в партийно-советский аппарат». Теперь именно управленцев и активистов призывали не только на работе, но и в быту использовать исключительно латиницу (Togzhanov 1934, P.71).

Сопротивление арабистов, по мнению партийного руководства республики, в основном было сломлено к концу 1928 г. В июле 1929 г. ЦИК и правительство Казахстана утвердили государственный алфавит (Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazahstane Nd, P.69).

По решению СНК КАССР весь госаппарат в делопроизводстве должен был перейти на латиницу в 1930 г., однако на практике это удалось сделать в центральных учреждениях к 1934 г. На местах – на уровне не только аулов, но и районов, в быту - арабский алфавит продолжал играть важную коммуникативную роль, наряду с русским. Даже в краевых и областных учреждениях управленцы с трудом осваивали новый алфавит и предпочитали писать на арабской основе. Они перекладывали перевод на латиницу на машинисток. Весьма сложной задачей было производство пишущих машинок для латиницы. При этом выпускники школ и пунктов ликвидации неграмотности оставались малограмотными или вообще неграмотными. Многие ссылались на отсутствие грамотных на латинице аппаратчиков и добровольно переходили на русский язык при проведении заседаний и составлении документов (Nurmakov 1934, P.67, 69).

Рисунок 2. Газета «Екпінді құрылыс» («Ударная стройка») на латинице. Уральск, 1936.

В целом целостность коммуникативного поля достигалась комплексом мер, в т.ч. новой письменностью. Административные методы при этом занимали важное место в распространении латиницы среди чиновников. От того, как они овладевали письменностью, зависел и общий престиж языка, культура делопроизводства, статус и сфера применения языка, формирование и характер функциональных и речевых стилей. Трудности с переводом управленческого труда на латиницу влияли на компетентность бюрократов, а их отношение к письменности прямо и опосредованно влияло на общественное мнение по поводу значимости письменной и устной культуры речи.

Политика коренизации повышала престижность языковой грамотности и давала дополнительный стимул к овладению письменной культурой. В связи с новой языковой идеологией и политикой языковая и культурная социализация выдвиженцев происходила в иной системе символов и ценностей. К тому же в социальной практике появилось много новых понятий и неологизмов. Член ВЦКНА Е.Д. Поливанов пытался привести классовую аргументацию: «Можно выставить даже такую точку зрения, которая будет определять язык среднего обывателя 1913 года и, с другой стороны, язык современного комсомольца – не как два разных диалекта, а как два разных языка» (Polivanov 1927).

В зависимости от контекста использования, жанра, вербальной аргументации в связи с динамикой представлений и семиотических связей менялся идеологический аспект. Проф. А.М. Селищев обратил внимание: «Единство процесса общественной жизни, воздействие центра неразрывно связано с языковыми переживаниями, с проникновением элементов языка центра в язык областных работников, хотя бы они и занимались вопросами чистоты своего языка и изгоняли старые русизмы» (Amirhamzin Nd)².

В Коммунистическом университете трудящихся Востока в 1920-е гг. изучение родных языков занимало равное место с русским в подготовке национальных кадров управленцев. Поливанов работал в этом университете и заметил, что студенты не проявляли интереса к изучению родного языка, в отличие от русского. Более того, «в процесс учебы языковое мышление на родном языке не участвовало». Грамотность на русском языке была выше, чем на родном. Студенты устно не могли на родных языках излагать «темы, возвышающиеся над уровнем обывательской беседы». Типичный слушатель КУТВ, «грубо говоря, ...получил образование как представитель русского языка, а в качестве представителя родного языка остался ... обывателем» (Polivanov 1927, P.113, 114). Меж тем на общем собрании московских студентов из Казахстана – будущих управленцев - 24 апреля 1927 года доклад Тюрякулова о новоказахском алфавите был поддержан. Студенты подчеркнули, что его внедрение требует системной и упорной работы в течение продолжительного времени, а всякое форсирование и принуждение может лишь затормозить дело (Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazahstane Nd, P.55).

Однако дальнейший ход развития общества показал неудобства и недостатки латинского алфавита. М. Дулатов писал, насколько тяжело вести делопроизводство на казахском языке, каким он становится непонятным, когда делается формальный перевод, причем канцелярский казахский язык теряет смысл из-за неудовлетворительного перевода с русского. Ярким примером можно считать перевод на казахский язык фамилии и имени Лев Толстой как Жуан Арыстан, что в прямом смысле означает Толстый лев. В 1934 году

2 ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 3. Д. 680. Л. 4.

ученый секретарь Терминологического комитета Наркомпроса республики Михаил Гаврилов в докладе «К вопросу казахского языкового строительства» выделил трудности и специфику языкового строительства в Казахстане: 1) особенности, присущие казахскому языку: звуковые явления, связанные с законом сингармонизма; 2) отсутствие в казахском алфавите достаточного количества согласных для передачи соответствующих звуков вновь заимствованных слов; 3) бедность лексикона. Имелось в виду отсутствие не только новых научных категорий и понятий, но и простейших понятий, связанных вообще с городской культурой и оседлой жизнью. Он выступал за умелое и пропорциональное пополнение языка иноязычными заимствованиями и развитие самого языка; предлагал стараться избегать двойной орфографии и дополнительных знаков (Amirhamzin Nd)³. Лишь во 2-й пятилетке предполагалось завершить перевод преподавания на родном языке в средних школах, техникумах, педагогических и медицинских вузах, создать условия для такого перехода во всех вузах (Majmin 1932).

К тому же одновременное пользование двумя алфавитами – латинским и русским – в казахских школах и других учебных заведениях, где изучался русский язык, было затруднительно. Правительство республики создало комитет для разработки нового алфавита. В печати была организована широкая дискуссия по вопросам языковой политики. Т.Жургенев (в 1926-1929 гг. – ректор казахского пединститута в Ташкенте, в 1933-1937 гг. нарком просвещения Казахстана) обратил внимание на смысловые противоречия при использовании нового алфавита в условиях социалистической модернизации. «Слово «бельсенды», которое сейчас употребляют как прилагательное (активный) и как существительное (актив) является на самом деле глаголом в третьем лице, единственного числа. Несомненно, правильнее было бы вместо ненужного и вредного словотворчества включить слово «актив» в неизменном виде в словарь казахского языка, как оно включено уже в словарь международных терминов».

Т.К.Жургенев
(1898-1938)

Он приводил типичные примеры неудовлетворительных переводов: «трест водоканализация» - «трест, который пускает воду через горло» («Социалды Казакстан»), «военный корабль» - как «корабль, который надо держать перед пулями». Нередко не хватало запаса разговорных и диалектных слов для выражения содержания, связанного с советской и европейской лексикой и семантикой, каждый вкладывал в содержание выбранных терминов наречие своего аула. Это относилось и к работникам Наркомата просвещения. Различные формы новых оборотов, предложений, фраз, несвойственных и чуждых структуре казахского языка, в совокупности создавали особый жаргон, мало чем отличающийся от былых жаргонов старых переводчиков. Дословный перевод образных казахских выражений и зоотехнических терминов приводил к смысловым казусам. «Перевод «Главтабак» как «Bas temekі» (голова табак), или перевод «ОГИЗ» как «Ogiz», что по-казакски означает «бык», не только не облегчает понимание переводимых слов, но искажает, запутывает это понимание». Жургенев поведал поучительную дореволюционную быль:

«...осеннюю пору, когда высыхают травы, казаки называют хазан – период (хазан – котел). Вот в этот период, если пасти лошадей на покосах клевера, они заболевают поносом. Существует версия, что такая история случилась с конем яны-курганского участкового пристава в старые времена. Пристав созвал консилиум казахов-скотоводов, и они в один голос сделали из осмотра больного коня следующие, подтверждаемые вековым опытом скотоводчества, выводы: «Septi qazan soqqanda соңғақаһы көрpesin са́йлаған мал сығылдағ боладь». Присутствующий при этом штатный переводчик пристава перевел эти слова следующим образом: «киргизы говорят, что если, когда котел ударит траву, то пустить лошадь на прокорм на ковер клевера – шыркылдак будет». Конечно, и пристав не понял, о чем идет речь в данном случае, - не понял и переводчик. Однако следует отдать дань переводчику, который все же не стал переводить непере译имое (понятие «шыркылдак» отсутствует на русском языке)» (Zhurgenev 1935). Далее Жургенев подробно писал о типичных терминологических проблемах, обусловленных семантическими особенностями языка и появлением неологизмов.

Рисунок 3. Магазин Торгсина. Лозунги о ленинской национальной политике на русском языке (в центре) и казахском языке (латиница справа). 1930-е гг. Семипалатинск.

Реформа алфавита сопрягалась с коренизацией кадров. Президиум КазЦИК в июле 1926 г. утвердил план коренизации госаппарата на 1926-1927 гг. В нем предусматривалась, в частности, работа школ и курсов по подготовке работников из казахов и обучение «европейцев» казахскому языку. Затем эти кадры должен был распределять Наркомтруд по заявкам ведомств и учреждений. Наркомат РКИ (НК РКИ) и его губернские органы должны были «выяснить методы выполнения функций, подлежащих коренизации лицами, владеющими казахским языком». В каждом учреждении устанавливался срок коренизации каждой должности с учетом степени ее важности для перехода

учреждения на казахский язык, сложности «операции ее и роли данной должности в межнациональных отношениях». Наблюдение за распределением работников, владеющих языком, касалось ведущих ведомств – КазЦИК, наркоматов внутренних дел, юстиции, земледелия, финансов, Госсельсклада, Казводхоза, Казторга, Упокрзага и некоторых других, а также их местных органов. Было предложено внести в Уголовный кодекс наказание за нарушение законов о равноправии государственных языков. Отказ от принятия и рассмотрения заявлений на каждом из них или иное стеснение прав граждан в пользовании ими, препятствование преподаванию на каждом из них и другие нарушения законов предлагалось карать заключением на срок от 1 до 6 месяцев. НК РКИ определял методы перехода учреждений на казахский язык, с определением сметы расходов, потребности в пишущих машинках, канцелярских принадлежностях и пр. Сроки перехода зависели от числа владеющих казахским языком в учреждениях и выполняемых ими функций (Amanzholova 2017, P.25, 41).

КазЦИК обращал внимание на риск возникновения безработицы среди части служащих, создание необходимых условий и обстановки для нормальной работы казахских кадров. В то же время отмечалось: «...с европейцами как бы заключается условие, что, если ты хочешь в дальнейшем оставаться на работе в советском учреждении Казакстана, долженствующем с определенного времени во всех своих функциях перейти на казахский язык, ты должен к этому сроку научиться вести присвоенную твоей должности работу на этом языке. В противном случае ты должен будешь уступить свое место другому в целях коренизации его. При этом правительство Казакстана, предупреждая тебя, в то же время всемерно облегчает всем европейцам возможность научиться казахскому языку, организуя за свой счет для них школы и курсы» (Amanzholova 2017, P.25).

Управленцы, овладевшие казахским языком (кроме тех, для кого он является родным или родственным – имелись в виду тюркоязычные татары, узбеки и др.), по решению ЦИК и СНК Казахской АССР от 1 сентября 1933 г. получали льготы. Среди них: за свободный разговор, чтение деловых бумаг и литературы на казахском языке прибавка 10% к основному окладу, за полное владение (говорение, чтение, письмо на латинице) – 15%. Профессора, доценты и ассистенты, ведущие преподавание на казахском языке (чтение лекций) получали надбавку к основной ставке и почасовой оплате в 25%. Знающие язык специалисты имели преимущественное право при устройстве на работу. Овладевшим языком специалистам предоставлялась научная командировка в пределах СССР или командировка на курсы повышения квалификации на 2-3 месяца с сохранением содержания и возмещением расходов на поездку, а также закреплением квартиры и снабжения за семьей на это время (O korenizacii 1934, P.51-52).

Практически для всех народов, получивших латинизированную письменность, во 2-й половине 1930-х гг. осуществлялся переход на кириллицу (карачаевцы, абазыны, ногайцы, осетины, молдаване, татары, хакасы, азербайджанцы, якуты, башкиры, шорцы, горные алтайцы, коми-пермяки, чеченцы и ингуши, карелы и т.д.). 8 августа 1939 года началось «всенародное» обсуждение проекта нового алфавита. 10 ноября 1940 года пятая сессия Верховного Совета Казахской ССР одобрила закон «О переводе казахской письменности с латинизированной на новый алфавит на основе русской графики». 13 ноября 1940 года был принят закон «О переводе казахской письменности с латинизированной графики на новый алфавит на основе

русской графики» (Kazahstanskaja pravda 1940).

Однако при переходе на кириллицу усилился разрыв между написанием и произношением. Предпочитая говорение и общение на родном языке, чиновники на деле тормозили развитие письменной культуры. В итоге было принято предложение Жургенева – не изменять международные термины, обеспечить общность понятий в русском и казахском языках. Это было легче осуществить после введения кириллицы. Но и во 2-й половине XX века в Кабинете министров или Верховном Совете в канцелярском казахском языке использовались 20-25% русских слов. Многие термины на казахский язык не были переведены, в то же время перевод ряда терминов не прижился.

Разные виды письменности отражали разные этапы истории и разные символы в этническом сознании. Языковая и культурная социализация новых поколений управленцев происходила при отсутствии личной памяти о предшествующей письменности. Выдающийся казахский писатель М.О.Ауэзов в 1960 году выделил наиболее значимые изменения в казахском языке вследствие ликвидации безграмотности, реформы письменности и роста межкультурных коммуникаций: «Вполне закономерными становятся типы сложноподчиненных предложений, еще в недалеком прошлом имевшие весьма узкую сферу употребления. Авторская речь внутри прямой речи также лишь в наше время получает широкое распространение. Более подвижным становится порядок слов в казахском предложении. Развиваются и дифференцируются литературные стили...». Развитие лексики связано, по его мнению, с интернационализацией языковых практик: «Органически вошли в казахский язык удачно калькированные из русского языка слова бесжылдық, еңбеккүн, қолжазба, халықаралық и многие другие. Возникли в современном казахском языке и новые обороты типа жеңіл өндіріс (легкая промышленность), жылжымалы кітапхана (передвижная библиотека), күрделі қаржы (капиталовложения), жасанды серік (искусственный спутник)» (Aujezov Nd).

В рамках комплексной социально-культурной модернизации народов СССР усилиями государства обеспечены создание систем образования и здравоохранения, ликвидация безграмотности, в том числе у многих народов - национальной письменности; распространение русского языка как инструмента межкультурного общения; «коренизация» и массовая подготовка кадров учителей, врачей, инженеров и иных квалифицированных специалистов, создание профессионального искусства и литературы. Массовый характер и односторонность просветительной работы породили не только особые формы общения с коренным населением (культпоходы, передвижные школы, библиотеки и медпункты, красные юрты, кочевые театры, кинопередвижки и т.д.), но и выравнивание и унификацию культур. Поощрение местных языков и распространение русского языка были объективно неизбежны и прогрессивны в связи с индустриализацией регионов. Русский язык был средством усвоения ценностей и смыслов советского индустриального общества, обеспечения политической лояльности властям.

Реформа письменности была частью системы социальных действий, которая подразумевала выражение своей позиции и принадлежности, символической ценности и других социально-опосредованных целей. Оппозиция «свой-чужой», «престижно-непрестижно», «выгодно-невыгодно» и т.п. в бюрократическом социуме выстраивалась в т.ч. через характер и отношение к переходу на новый алфавит, оперативности овладения им в повседневной практике. Потребность в идентичности, взаимопонимании, унификации делопроизводства – основные факторы, которые влияли на роль и

распространение казахского и русского языков. Функционально более слабый язык вытеснялся в менее важные и престижные сферы общения.

Дилемма - продолжать всевозможную поддержку многочисленных языков с малым числом их носителей и весьма ограниченной сферой употребления или радикально расширять обучение русскому, обеспечивающему интеграцию людей и экономик регионов, межкультурное общение – была решена в пользу скреплявшего единое государство языка. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах, 19 марта – национальных педучилищ и институтов, 13 марта ЦК партии и СНК СССР приняли постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» (СК РКР(б)-ВКР(б) і nacional'nyj vopros 2005, P.342, 384, 395, 393-394; Stenogramma zasedanija Soveta Nacional'nostej 1931). Причины были вполне объективные: необходимость межэтнической интеграции в интересах хозяйственного и культурного развития, подготовки научно-технических кадров и несения воинской службы (СК ВКР(б) і nacional'nyj vopros 2009, P.391-394). Национальные школы признавались очагами буржуазно-националистического и антисоветского влияния на детей, подрывающими братское единство народов СССР с русским народом (Narkompros KASSR dal ustanovku 1938). Поворот к укреплению русского языка и русской культуры не означал возвышение русскости над другими этноидентичностями. Стремление власти не допустить ассоциации всего русского с ней самой и русских как колонизаторов приводило к тому, что для русских возможность самовыражения предоставлялась в надэтнических институтах – социально-классовых, интернациональных, советских (гражданских).

Потребность взаимопонимания, в т.ч. в связи с угрозой войны, обусловила более важную роль русского языка, особенно в среде управленцев. В то же время казахи-управленцы поначалу недостаточно хорошо владели русским языком и приспособляли содержание своих официальных выступлений и документов к уровню своей коммуникативной компетенции. Карьерные интересы стимулировали изучение русского языка. Общение на закрытых заседаниях, совещаниях шло в основном на русском языке. Казахи-чиновники и русские-чиновники были в привилегированном положении каждый в своей этнической среде. Это могло усилить межэтническое разделение, но массовое распространение русского языка, особенно в общении, предотвращало такое развитие ситуации. Наиболее функционально мощный язык занимает все новые позиции, удовлетворяя потребности людей во взаимопонимании. Обязательное использование письменного казахского языка было символом национального равенства в работе органов власти и управления. Но реальное снижение сферы функционирования письменности приводило к разрыву между письменной и устной культурой языка. В результате грамотность на национальном языке и его социальный статус снижались. Пренебрежение письменной культурой стало хроническим, владение казахской письменностью среди чиновников было недостаточно удовлетворительным. Это отражалось на общей культуре бюрократии и авторитете самого языка.

Политико-массовая и культурно-просветительная работа, создание национальных СМИ и библиотечного дела прочно включали этнокультуры в общесоветский контекст. Интеллектуальная и творческая этноэлита, имевшая дореволюционное образование, стремилась к возможно более полному сохранению не только традиционных форм, поддерживаемых властью, но и по возможности их наполнению в рамках новой интернациональной

«социалистической» культурой. Однако массовый террор резко сократил возможности национально-культурной автономии, форсировав унификацию на основе русификации. Тяжелейшие потери понесла национальная творческая, научная и художественная интеллигенция (Repressirovannyye narody Rossii 1994; Bugaj 1995; Repressii protiv poljakov 1997; Nakazannyj narod 1999; Lubjanka 2003; СК ВКР(б) i nacional'nyj vopros 2005; СК ВКР(б) i nacional'nyj vopros 2009; Chebotareva 2008; Martin 2011). Произошло резкое ограничение возможностей населению знакомиться с колоссальным багажом культурного наследия и гуманитарной мысли, в т.ч. среди мусульман из-за разрыва культурной преемственности поколений, когда молодежь была лишена связи с литературой, созданной на основе арабского алфавита. Политическая цензура и укреплявшаяся самоцензура наряду с вышеназванными факторами создавали мифологическое пространство советской реальности, оригинально соединявшее действительность и вымысел в сознании и поведении людей.

Советский опыт демонстрирует сложности реализации масштабной культурной политики, которая осуществлялась настойчивыми, целенаправленными и разносторонними ресурсами и формами, централизованно организованной системой управления и контроля со стороны государства. Реформа письменности повлекла за собой комплекс мер и большие финансовые затраты в области подготовки учительских кадров, учебной литературы, содержания образования во всех звеньях образовательной системы, научного обоснования, специальной пропагандистской программы, материально-технического инструментария и др. Перестройка информационного пространства от СМИ до рекламы, управленческой культуры и непосредственной практики делопроизводства многочисленных структур власти, управления, общественных организаций также требовали серьезных усилий и времени. Уроки переформатирования письменной культуры общества с учетом всех внутренних и внешних факторов в первой половине XX века в современных условиях представляются весьма актуальными.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. [Электронный ресурс] // Институт истории и этнологии имени Ч.Ч.Валиханова, URL: www.iie.kz/?p=4615 (дата обращения: 16.09.2015).
2. Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920-1930-е гг. - М.: Собрание, 2010. - 248 с.
3. Аманжолова Д.А. Этносоциальные характеристики управленцев Казахстана в 1920-1930-е гг.: динамика и контекст // История народов России в исследованиях и документах: Вып.7. - М.: ИРИ РАН, 2017. - 350 с.
4. Амирхамзин А. Некоторые вопросы терминологии казахского языка [Электронный ресурс] // neotech.kz, URL: www.neotech.kz/terminology_ru.html (дата обращения: 30.11.2015)
5. Ауэзов М. О традиционном и новаторском в казахской советской литературе. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. 1960 г. [Электронный ресурс] // el.kz, URL: www.el.kz/m/articles/view/content-4822 (дата обращения: 30.11.2015).
6. Байтұрсынұлы А. Бес томдық шығармалар жинағы. - Т.4. Әліппелер мен мақалар. - Алматы: «Алаш», 2006. - С.275 – 283
7. Байтұрсынұлы А. Түзетілген әріп // Байтұрсынұлы А. Көптомдық шығармалар жинағы. - Т.5. - Алматы: «Алаш» баспасы, 2006.
8. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» - М., 1995.
9. Жүргенев Т.К. Вопросы терминологии казахского языка // Большевик Казахстана. - 1935. - №6. - С.44-51.
10. Исмагамбетов Т. Развитие казахского истеблишмента в конце XIX - середине XX веков // Центральная Азия. - 1997. - № 11.

11. Казахстанская правда. 1940. 13 ноября // Языковая политика в Казахстане (1921 - 1990 гг.): Сб. документов. - Алматы: Қазақ университеті, 1997.
12. Культурное строительство в Казахстане (1918 - 1932 гг.): Сборник документов и материалов. - Т.1. - Алма-Ата: Казахстан, 1965.
13. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938 / Сост. В.Н. Хаустов. - М., 2003.
14. Маймин И.Б. О 2-й пятилетке Казакстана. - Алма-Ата: Издание Госплана КазАССР, 1932.
15. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. - М., 2011.
16. Муканова Г.К. Вехи идентичности: диаспора и первый научный казахский съезд, 1924 г. (Архивные находки) [Электронный ресурс] // Scientific E-journal «edu.e-history.kz», URL: www.edu.e-history.kz/en/publications/view/107 (дата обращения: 25.07.2014).
17. Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. - М., 1999.
18. Наркомпрос КАССР дал установку сократить зарплату педагогам, которые не могут преподавать русский язык // Учительская газета. - 1938. - 13 июня.
19. Нурмаков Н. Латинизация алфавита – орудие пролетарской революции // Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. / Сб. ст. под общей ред. Н.Нурмакова. - М.-Л., 1934.
20. О коренизации. Сборник руководящих материалов. / Сост. Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева. - Алма-Ата-М.: Казкрайиздат, 1934. - 90с.
21. Озғанбай Ө. Жарығы өшпейтін жұлдыз. - Алматы: «Үш Қиян», 2003. - С.146–154.
22. Полемика о выборе алфавита. - Кызыл-Орда: Казгиз, 1927.
23. Поливанов Е.Д. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. - Кн.23-24. - М.,1928.
24. Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. - М., 1927.
25. Репрессии против поляков и польских граждан. - М., 1997.
26. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. / Сост. Н.Ф. Бугай. - М.,1994.
27. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926). - М., 1927.
28. Стенограмма заседания Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 г. // Ab imperio. - 2002. - № 2. - С.361-413.
29. Тогжанов Г. История движения и победы нового алфавита среди казаков // Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. / Сб.ст. Под общей ред. Н.Нурмакова. - М.-Л., 1934. - С.60-72.
30. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. - Кн.1. - М.: РОССПЭН, 2005.
31. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. - Кн.2. 1933-1945 гг. - М.: РОССПЭН, 2009.
32. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925-1938 гг. - М., 2008;
33. «Это могут сделать только гвардейцы-панфиловцы». Запись беседы с Героем Советского Союза М.Габдуллиным. 1943 г. // Исторический архив. - 2017. - №2. - С.100-133.

Reference

- Asylbek, Asylbekova Nd - Asylbek, MH, Asylbekova, ZhM Nd, Naselenie Kazahstana mezhdru Vsesojuznymi perepisjami naselenija 1926 g. i 1939 g., *Institut istorii i jetnologii imeni Ch.Ch.Valihanova*, retrieved 16 September 2015, <www.iie.kz/?p=4615>. (Asylbek, MH, Asylbekova, ZhM Nd, The Population of Kazakhstan between the all-Union censuses of 1926 and 1939, *Institute of history and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov*, retrieved 16 September 2015, <www.iie.kz/?p=4615>). (in Rus).
- Amanzholova 2010 - Amanzholova, DA 2010, *Formatirovanie sovetskosti. Nacional'nye men'shinstva v jetnopoliticheskom landshafte SSSR.1920-1930-e gg*, Sobranie, Moscow, 248 p. (Amanzholova, DA 2010, *Formatting the Soviets. National minorities in ethno-political landscape of the USSR.1920-1930s*, Sobranie, Moscow, 248 p.). (in Rus).
- Amanzholova 2017 - Amanzholova, DA 2017, *Jetnosocial'nye harakteristiki upravlenecv Kazahstana v 1920-1930-e gg.: dinamika i kontekst, Istorija narodov Rossii v issledovanijah i dokumentah*, Vyp.7, IRI RAN, Moscow, 350 p. (Amanzholova, DA 2017, *Ethno-Social characteristics of managers of Kazakhstan in 1920-1930s: dynamics and context, The history of the peoples of Russia in studies and documents*, Vol.7, IRI RAN, Moscow, 350 p.). (in Rus).
- Amirhamzin Nd - Amirhamzin, A Nd, Nekotorye voprosy terminologii kazahskogo jazyka, *neotech.kz*, retrieved 30 November 2015, <www.neotech.kz/terminology_ru.html>. (Amirhamzin, A Nd, Some issues of terminology of the Kazakh language, *neotech.kz*, retrieved 30 November 2015, <www.neotech.kz/terminology_ru.html>). (in Rus).

- Aujezov 1960 - Aujezov, M 1960, O tradicionnom i novatorskom v kazahskoj sovetsoj literature. Doklad na XXV Mezhdunarodnom kongresse vostokovedov.1960 g., *el.kz*, retrieved 30 November 2015, <www.el.kz/m/articles/view/content-4822>. (Aujezov, M 1960, Traditional and innovation in Kazakh Soviet literature. Report on the XXV International Congress of Orientalists.1960, *el.kz*, retrieved 30 November 2015, <www.el.kz/m/articles/view/content-4822>). (in Rus).
- Bajtursynuly 2006(1) - Bajtursynuly, A 2006, *Bes tomdyk shygarmalar zhynagy*, V.4. Alippeler men makalar, «Alash», Almaty, P.275–283. (Bajtursynuly, A 2006, *Five-volume collected works*, V.4. Articles and primers, «Alash», Almaty, P.275–283). (in Kaz).
- Bajtursynuly 2006(2) - Bajtursynuly, A 2006, Tuzetilgen arip, *Koptomdyk shygarmalar zhynagy*, T.5, «Alash» baspasy, Almaty. (Bajtursynuly, A 2006, *Fixed letters*, *The set of multi-volume works*, T.5, «Alash» baspasy, Almaty.). (in Kaz).
- Bugaj 1995 - Bugaj, NF 1995, L. Berija – I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniju...», Moscow. (Bugaj, NF 1995, L. Beria to I. Stalin: «According to Your instructions...», Moscow). (in Rus).
- Chebotareva 2008 - Chebotareva, VG 2008, *Nacional'naja politika Rossijskoj Federacii 1925-1938 gg*, Moscow. (Chebotareva, VG 2008, *National policy of the Russian Federation, 1925-1938*, Moscow). (in Rus).
- CK RKP(b)-VKP(b) 2005 - CK RKP(b)-VKP(b) i nacional'nyj vopros 2005, Vol.1., ROSSPJeN, Moscow. (The Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the national question 2005, Vol.1., ROSSPJeN, Moscow.). (in Rus).
- CK RKP(b)-VKP(b) 2009 - CK RKP(b)-VKP(b) i nacional'nyj vopros 2009, Vol.2. 1933-1945 gg, ROSSPJeN, Moscow. (The Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the national question 2009, Vol.2. 1933-1945, ROSSPJeN, Moscow). (in Rus).
- Ismagambetov 1997 - Ismagambetov, T 1997, Razvitie kazahskogo isteblishmenta v konce XIX - seredine XX vekov, *Central'naja Azija*, №11. (Ismagambetov, T 1997, the development of the Kazakh establishment in the late XIX - mid XX centuries, *Central Asia*, №11). (in Rus).
- Kazahstanskaja pravda 1940 - Kazahstanskaja pravda. 1940. 13 nojabrja, *Jazykovaja politika v Kazahstane (1921 - 1990 gg.)*: Sb. dokumentov, Kazak universiteti, Almaty. (Kazakhstanskaya Pravda. 1940. 13 November, *Language policy in Kazakhstan (1921 - 1990)*: Sat. documents, Kazak universiteti, Almaty). (in Rus).
- Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazahstane 1965 - Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazahstane (1918 - 1932 gg.): Sbornik dokumentov i materialov 1965, T.1, Kazahstan, Alma-Ata. (Cultural construction in Kazakhstan (1918 to 1932): a Collection of documents and materials 1965, T.1, Kazakhstan, Alma-Ata). (in Rus).
- Lubjanka 2003 - Lubjanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. 1937-1938 2003, Sost. VN Haustov, Moscow. (Lubjanka. Stalin and the Directorate of state security of the NKVD. 1937-1938 2003, Sost. VN Haustov, Moscow). (in Rus).
- Majmin 1932 - Majmin, IB 1932, O 2-j pjatiletke Kazahstana, Izdanie Gosplana KazASSR, Alma-Ata. (Majmin, IB 1932, 2 th five-year plan of Kazakhstan, Edition Of The State Planning Committee Of Kazakh Soviet Socialist Republic, Alma-Ata). (in Rus).
- Martin 2011 - Martin, T 2011, Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923-1939, Moscow. (Martin, T 2011, *Empire «positive activities»*. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939, Moscow). (in Rus).
- Mukanova Nd - Mukanova, GK Nd, Vehi identichnosti: diaspora i pervyj nauchnyj kazahskij s#ezd, 1924 g. (Arhivnye nahodki), *Scientific E-journal «edu.e-history.kz»*, retrieved 25 July 2014, <www.edu.e-history.kz/en/publications/view/107>. (Mukanova, GK Nd, Milestones of identity: Diaspora and the first Kazakh scientific Congress, 1924 (Archival discoveries), *Scientific E-journal «edu.e-history.kz»*, retrieved 25 July 2014, <www.edu.e-history.kz/en/publications/view/107>). (in Rus).
- Nakazannyj narod 1999 - Nakazannyj narod. Repressii protiv rossijskih nemcev 1999, Moscow. (Punished people. Repressions against the Russian Germans 1999, Moscow). (in Rus).
- Narkompros KASSR dal ustanovku 1938 - Narkompros KASSR dal ustanovku sokratit' zarplatu pedagogam, kotorye ne mogut prepodavat' russkij jazyk 1938, *Uchitel'skaja gazeta*, 13 ijunja. (Commissariat KASSR issued a Directive to reduce the salaries of teachers who can't teach Russian language 1938, *Uchitel'skaya Gazeta*, 13 June). (in Rus).
- Nurmakov 1934 - Nurmakov, N 1934, Latinizacija alfavita – orudie proletarskoj revoljucii, *Alfavit Oktjabrja. Itogi vvedenija novogo alfavita sredi narodov RSFSR*, Comp. and Ed. N.Nurmakov, Moscow-Leningrad. (Nurmakov, N 1934, Romanization of the alphabet – an instrument of the proletarian revolution, *The Alphabet of October. The results of the introduction of the new alphabet among the peoples of the RSFSR*, Comp. and Ed. N.Nurmakov, Moscow-Leningrad). (in Rus).
- O korenizacii 1934 - O korenizacii. Sbornik rukovodjashhih materialov 1934, Comp. HSh Amrin, EI Knjazeva, Kazkrajizdat, Alma-Ata-Moscow, 90p. (About indigenization. Guidance 1934, Comp. HSh Amrin, EI Knjazeva, Kazkrajizdat, Alma-Ata-Moscow, 90p). (in Rus).

- Ozganbaj 2003 - Ozganbaj, O 2003, *Zharygy oshpejtin zhuldyz*, «Ysh Kijan», Almaty, P.146–154. (Ozganbaj, O 2003, *The light that never sets star*, «Ysh Kijan», Almaty, P.146–154). (in Kaz).
- Polemika o vybore alfavita 1927 - *Polemika o vybore alfavita* 1927, Kazgiz, Kzyl-Orda. (*The controversy about the choice of alphabet* 1927, Kazgiz, Kzyl-Orda). (in Rus).
- Polivanov 1927 - Polivanov, ED 1927, *Rodnoj jazyk v nacional'noj partshkole, Voprosy nacional'nogo partprosveshhenija*, Moscow. (Polivanov, ED 1927, *The Native language in national party school, Questions of national pastpresident*, Moscow). (in Rus).
- Polivanov 1928 - Polivanov, ED 1928, *Osnovnye formy graficheskoy revolyucii v tureckih pis'mennostjakh SSSR, Novyj Vostok*, Vol.23-24, Moscow. (Polivanov, ED 1928, *The Basic shape of the graphical revolution in the Turkish writings of the USSR, The New East*, Vol.23-24, Moscow). (in Rus).
- Repressii protiv poljakov 1977 - *Repressii protiv poljakov i pol'skih grazhdan* 1997, Moscow. (*Repressions against poles and Polish citizens* 1997, Moscow). (in Rus).
- Repressirovannye narody Rossii 1994 - *Repressirovannye narody Rossii: chechency i ingushi* 1994, Sost. NF Bugaj, Moscow. (*Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush* 1994, Comp. NF Bugaj, Moscow). (in Rus).
- Selishhev 1927 - Selishhev, AM 1927, *Jazyk revolyucionnoj jepohi. Iz nabljudenij nad russkim jazykom (1917-1926)*, Moscow. (Selishhev, AM 1927, *The Language of the revolutionary era. From observations over the Russian language (1917-1926)*, Moscow). (in Rus).
- Stenogramma zasedanija Soveta Nacional'nostej 1931 - Stenogramma zasedanija Soveta Nacional'nostej CIK SSSR ot 25 aprelja 1931 g., *Ab imperio* 2002, №2, P.361-413. (The transcript of the meeting of the Council of nationalities of the USSR Central Executive Committee of April 25, 1931, *Ab imperio* 2002, №2, P.361-413). (in Rus).
- Togzhanov 1934 - Togzhanov, G 1934, *Istorija dvizhenija i pobedy novogo alfavita sredi kazakov, Alfavit Oktjabrja. Itogi vvedenija novogo alfavita sredi narodov RSFSR*, Sb.st. Pod obshhej red. N.Nurmakova, Moscow-Leningrad, P.60-72. (Togzhanov, G 1934, *The history of the movement and the victory of the new alphabet among the Kazakhs, The Alphabet Oct. The results of the introduction of the new alphabet among the peoples of the RSFSR*, Ed. N.Nurmakova, Moscow-Leningrad, P.60-72). (in Rus).
- Zapis' besedy s Gabdullinym 1943 - «Jeto mogut sdelat' tol'ko gvardejcy-panfilovcy». Zapis' besedy s Geroem Sovetskogo Sojuza M.Gabdullinym. 1943 g., *Istoricheskij arhiv*, №2, P.100-133. («It can only do guardsmen-Panfilovtsy». Record the conversation with the Hero of the Soviet Union by Mikhail Gabdullina. 1943 y., *Istoricheskij arhiv*, №2, P.100-133). (in Rus).
- Zhurgenev 1935 - Zhurgenev, TK 1935, *Voprosy terminologii kazahskogo jazyka, Bol'shevik Kazahstana*, №6, P.44-51. (Zhurgenev, TK 1935, *the Issues of terminology of the Kazakh language, Bolshevik of Kazakhstan*, №6, P.44-51). (in Rus).